

А. М. МУХИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЕРУНДИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о происхождении герундия в английском языке привлекал внимание многих исследователей: он явился объектом оживленной дискуссии на страницах зарубежных лингвистических журналов¹. Проблема эта, однако, до сих пор остается спорной.

Большинство исследователей приходит к выводу, что герундий появляется в английском языке в среднеанглийский период, когда он начинает употребляться с прямым дополнением. Относительно появления герундия существуют самые противоречивые мнения. В качестве источника герундия, сочетающегося с прямым дополнением, одни исследователи считают инфинитив², другие — древнеанглийское отглагольное существительное на *-ung*, *-ing*, которое якобы могло употребляться в роли инфинитива³, третьи — причастие настоящего времени⁴, четвертые усматривают такой источник во французском языке⁵.

Сочетание герундия с прямым дополнением некоторые исследователи возводят также к древнеанглийским сложным существительным типа *daegweorfung* «ознаменование дня», компоненты которых выражали объектные отношения. Постепенное отделение первой части такого сложного слова от второй в среднеанглийский период и перенесение первого существительного в положение после отглагольного существительного на *-ing*, по мнению этих исследователей, привело к образованию современной конструкции «герундий + дополнение»⁶. При этом совершенно непонятно, почему первая часть сложного слова отделилась от второй.

Не менее противоречивы мнения исследователей относительно происхождения оборотов с герундием типа *I insist upon Miss Sharp appearing*. Так, например, О. Есперсен утверждает, что такие обороты появились в языке около 1700 г. вследствие: а) совпадения некоторых форм общего и родительного падежей, а также объектного падежа местоимения *she* и притяжательного местоимения *her*, б) невозможности образования родительного падежа или притяжательного от некоторых местоимений, в) трудности образования родительного падежа от некоторых словосочетаний⁷. Однако другие англисты показали несостоятельность точки зре-

¹ См. полемику по этому вопросу между Дж. Кёрмом и Е. Эйненкем в журнале «Anglia» (Bd. XXXVII, 1913; Bd. XXXVIII, 1914; Bd. XXXIX, 1916) и между Дж. Кёрмом и В. Гаафом в журнале «English studies» (vol. 12, Amsterdam, 1930).

² См. К. Ф. Кош, *Historische Grammatik der englischen Sprache*, Bd. II, Cassel, 1878, стр. 69.

³ См. В. Н. Ярцева, Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке, Л., 1940, стр. 14—15.

⁴ См. L. Kellner, Introduction on Caxton's syntax, style, etc. «Early English text society» (EETS), Extra series, LVIII, London, 1890, стр. 75.

⁵ См. критику точки зрения Е. Эйненкеля В. Гаафом: W. van der Gaaf, The gerund preceded by the common case. A study in historical syntax, «English studies», vol. 10, 1928, стр. 37.

⁶ См. G. O. Curme, The gerund in old English and German, «Anglia», Bd. 37, 1914, стр. 491—496; В. Н. Ярцева, указ. соч., стр. 15—16.

⁷ О. Есперсен, A modern English grammar, pt. V — Syntax, London, 1940, стр. 122—123.

ния О. Есперсена, указав на то, что обороты рассматриваемого типа появились в языке гораздо раньше 1700 г. и что употребление таких оборотов с самого начала не ограничивалось случаями, указанными О. Есперсеном¹.

Не видя преемственности между древнеанглийским отглагольным существительным на *-ung*, *-ing* и герундием в оборотах рассматриваемого типа, Дж. Кёрм пришел к выводу, что оборот «общий падеж + герундий» развился из древнеанглийского сочетания «винительный падеж + причастие настоящего времени» на базе смешения оборотов с герундием и причастием². В. Гааф же, отвергая эту гипотезу как необоснованную и считая, что в древнеанглийском нет такой конструкции, которая могла бы рассматриваться как зародыш указанного оборота, приходит к заключению, что этот оборот заимствован из французского языка, что он явился результатом подражания французской конструкции типа *le soleil levant*³. Однако попытка В. Гаафа найти источник рассматриваемого английского оборота в другом языке не могла увенчаться успехом и была справедливо отвергнута другими англистами⁴.

Причина, побудившая исследователей прибегать к разного рода гипотезам при объяснении происхождения герундия, коренится в недооценке некоторых моментов в развитии имени существительного в среднеанглийский период, которые, впрочем, не получили надлежащего освещения в исторических грамматиках и в монографиях.

Как было нами отмечено в статье «О категории падежа в современном английском языке»⁵, процесс разрушения падежной системы в среднеанглийский период захватил все четыре падежа имени существительного, включая родительный во всех сферах его употребления. В языке XIII—XIV вв. для выражения всех тех отношений, которые в древнеанглийском языке передавались при помощи флексий родительного падежа, все большее распространение получает употребление существительных в их исходных формах, нейтральных к падежу. Отмирание флексий, в свою очередь, вызвало некоторые другие сдвиги в системе существительного, в частности расщепление большой массы сложных существительных⁶. Эти изменения в системе имени существительного в среднеанглийский период и в первую очередь разрушение родительного падежа необходимо принять во внимание при решении вопроса о происхождении герундия, так как они создали условия для его появления.

В древнеанглийском языке отглагольное существительное на *-ung*, *-ing*, как и всякое другое существительное, управляло родительным падежом; при этом существительное в родительном падеже обычно обозначало или субъект, или объект действия, выраженного отглагольным существительным, и употреблялось как в препозиции, так и в постпозиции («for Fetontis forscarpunge» (Or. 40, 9)⁷ «из-за оплошности Фаэтона»; «toea-

¹ См. W. van der Gaaf, указ. соч., стр. 65—67.

² См. G. O. Curme, Origin of the accusative often used as subject of the gerund, «English studies», vol. 12, 1930, стр. 180—182.

³ W. van der Gaaf, указ. соч., стр. 68—69.

⁴ Критика точки зрения В. Гаафа дана Дж. Кёрмом («English studies», vol. 12, стр. 111, 180—182) и В. Н. Ярцевой (указ. соч., стр. 82).

⁵ См. ВЯ, 1957, № 2.

⁶ См. там же, стр. 23.

⁷ В статье приняты следующие сокращенные обозначения: Or.—«Kings Alfred's Orosius», ed. by H. Sweet, EETS, 79, London, 1883 (указаны страница и строка); Pr. of Consc.—Richard Rolle de Hampole, «The pricke of conscience», ed. by R. Morris, Berlin, 1863 (указана строка); C. M.—«Cursor mundi» («The Cursor of the world»), ed. by R. Morris, EETS, pt. I—VI, 57, 59, 62, 66, 68, 99, London, 1874—1892 (указана строка); Trev.—«Polychronicon Ranulphi Higden, monachi Cestrensis, together with the English translations of John Trevisa and of an unknown writer of the fif-

can þaes landes sceawunge» (Or. 17, 35) «кроме осмотра этой страны» и т. п.

Разрушение родительного падежа в среднеанглийский период привело к появлению словосочетаний с существительным в исходной форме (без *-es*) при отглагольном существительном на *-ing*, выражающих субъектные отношения: «And þat sal last fra þe son ryzung; Til þe tyme of þe son doun-gangung» (Pr. of Consc. 4778) «И это будет продолжаться от восхода солнца до времени захода солнца» и т. п.

Наряду с исходными формами в подобных словосочетаниях в памятниках XIII—XIV вв. употребляются формы тех же самых существительных с остаточной флексией родительного падежа *-es*. Ср., например: «Of Adam ending telle will i» (C. M. MS. G., стр. 79), «Of Adames endyng telle wol I» (там же, MS. Tr.) «о кончине Адама хочу я рассказать»; «after the sunne goyng down», «after the sunnys going down»¹ «после захода солнца».

В древнеанглийском языке субъектные отношения выражались также словосочетаниями с родительным падежом при существительном иного типа; в среднеанглийский период здесь также наблюдается тенденция к употреблению исходных форм существительных вместо форм на *-es*: «Of antecrist com þat...» (C. M. 213) «О приходе антихриста, который...» [ср. *of ancrist* (MS. Harl.—*antecrist*) *commung* (Pr. of Consc. 3995) «о приходе антихриста»]; «Bifor þe time of adam sinne» (там же, стр. 45) «до времени грехопадения Адама» и т. п.

Однако в отличие от подобных случаев употребления исходных форм с существительными иного типа, ограниченных в основном рамками среднеанглийского периода, употребление исходных форм с отглагольными существительными на *-ing* получает дальнейшее развитие и распространение в языке. Это объясняется тем, что в сочетании с исходной формой, выражающей субъектные отношения, как и в сочетании с исходной формой, передающей объектные отношения (см. ниже), происходит вербализация отглагольного существительного, превращение его в герундий, т. е. именную форму глагола, совмещающую в себе свойства и имени, и глагола.

О том, что уже в среднеанглийский период происходит процесс вербализации отглагольного существительного на *-ing* в подобных сочетаниях, говорят появляющиеся во второй половине среднеанглийского периода, по аналогии с сочетаниями с исходной формой существительного, случаи употребления форм так называемого объектного падежа личных местоимений с герундием вместо притяжательных форм: «I merveile thee askung this demande» «Я удивлен тем, что ты предъявляешь это требование»; «Take no displaysir on me so presuming» «Не обижайтесь на то, что я так самонадеянно поступаю»².

Закреплению и распространению герундиальных оборотов с исходной формой существительного способствовало то обстоятельство, что с переосмыслением остаточной флексии родительного падежа *-es* как показателя притяжательности³ в притяжательной форме стало возможным употреб-

teenth century», ed. by Ch. Babington and J. R. Lumby, vol. I—VIII, London, 1865—1882 (указаны том и страница); MS. Harl. 2261 — Harleian manuscript 2261 (там же); Aumon — William Caxton, «The right plesaunt and goodes historie of the four sonnes of Aumon», pt. I—II, EETS, Extra series, 44, 45, London, 1884—1885 (указаны страница и строка); N. Leg. — «Die nordenglische Legendensammlung», hrsg. von C. Horstman, Heilbronn, 1881 (указаны страница и строка); Bl. and Egl. — Caxton's Blanchardyn and Eglantine», ed. by L. Kellner, EETS, Extra series, 58, London, 1890 (указаны страница и строка).

¹ См. Е. Е i n e k e l, Die Entwicklung des englischen Gerundiums, «Anglia», Bd. XXXVIII (Neue Folge, Bd. XXVI), Hf. 1—2, 1914, стр. 67—68.

² Примеры приведены Е. Эйненкелем в указ. соч., стр. 68.

³ См. ВЯ, 1957, № 2, стр. 25 и сл.

лять в основном существительные, обозначающие живые существа. Многие существительные, обозначающие неодушевленные предметы, стали употребляться в сочетании с герундием только в исходной форме (или форме множественного числа).

Наряду с сочетаниями с исходной или притяжательной формой те же субъектные отношения начинают передаваться в среднеанглийский период предложными сочетаниями с *of*. Так, например, в следующих случаях перевода Тревизы «Polychronicon» находим сочетания с исходной формой, в другом же переводе этого произведения (MS. Harl. 2261) — предложные сочетания с *of*: «Inde haþ in þe est side þe sonne risunge» (Trev. I, 79; MS. Harl. 2261: «the rysenge of the sonne») «Индия имеет на восточной стороне восход солнца»; «þe fightinge men woste nougt of þe erþe schakunge þat was while þey fougte» (Trev. IV, 57; M. S. Harl. 2261: «a movenge o the erthe») «Сражающиеся не знали о сотрясении земли, которое произошло, когда они сражались». В одном и том же памятнике среднеанглийского периода могут встретиться все три конструкции: «And what es mare uncertaun þung þan es the tyme of the dede commyng» (Pr. of Consc. 1952) «И что может быть более неопределенным, чем время прихода смерти»; «Weke ay als þou had na knawung of þe tyme of dedys commyng» (там же, 1970) «Всегда будь бодрым, как будто бы ты не знаешь о времени прихода смерти»; «þan folowes þat manna wys rede þat abydes þe commyng of þe dede» (там же, 2014) «Не мудрому совету следует тот человек, который ждет прихода смерти».

Таким образом, в английском языке к концу среднеанглийского периода существуют все три конструкции, выражающие субъектные отношения, которые характерны для современного языка: 1) конструкция с притяжательной формой существительного, развившаяся в языке вследствие переосмысления остаточной флексии родительного падежа *-es* как показателя притяжательности, 2) конструкция с исходной формой (или формой множественного числа) существительного, появившаяся в языке вследствие разрушения родительного падежа и употребления нейтральных к падежу форм существительных, и 3) конструкция с предлогом *of*.

Что касается древнеанглийского родительного объекта при отглагольном существительном на *-ing*, *-ung*, то разрушение падежной системы существительного вызвало здесь в среднеанглийский период еще большие изменения.

Как отмечалось выше, родительный объекта при отглагольном существительном на *-ing*, *-ung* в древнеанглийском употреблялся и в препозиции и в постпозиции. Отмирание падежных окончаний и переосмысление остаточной флексии родительного падежа *-es* как показателя притяжательности в XIII—XIV вв. привели к тому, что в словосочетаниях, выражающих объектные отношения, стали употребляться только исходные формы, а также формы множественного числа, нейтральные к падежу, причем последние могли стоять и в препозиции, и в постпозиции: «Israel wiþ þis vplepp... Wit-uten asking help of sun» (C. M. 5193) «Израиль при этом вскопчил..., не попросив помощи у сына»; «the slewe your fader in his body defenyng» (Aumon 566, 26) «Он убил вашего отца, защищая свое тело» и т. п.

Со временем с формами существительных, лишенных падежных показателей (нейтральных к падежу), начал употребляться предлог *of*. Однако предлог *of* как средство выражения грамматических отношений, передававшихся в древнеанглийском при помощи флексий родительного падежа, утверждается в языке лишь постепенно. В среднеанглийский период он не стал еще четким показателем грамматических отношений, выражавшихся в древнеанглийском языке падежной флексией, и без него могли об-

ходиться как при выражении притяжательных отношений, так и при выражении объектных отношений¹.

Выражавшие объектные отношения беспредложные словосочетания с исходной формой или формой множественного числа при существительных иного типа, чем отглагольное существительное на *-ing*, имели распространение в основном только в языке среднеанглийского периода, в дальнейшем они были полностью вытеснены предложными словосочетаниями с *of*. Что же касается беспредложных словосочетаний с исходной формой или формой множественного числа при отглагольном существительном на *-ing*, то они получили дальнейшее развитие и распространение в языке. Это объясняется тем, что в сочетании «существительное в исходной форме или форме множественного числа (в препозиции или в постпозиции) плюс отглагольное существительное на *-ing*» происходит вербализация последнего; действие, обозначаемое им, теряет свой предметный характер и воспринимается как совершаемое субъектом и направленное непосредственно на объект, названный существительным в исходной форме или форме множественного числа, которое является прямым дополнением к форме на *-ing*.

Аналогичные изменения произошли также в словосочетаниях с местоимением при отглагольном существительном на *-ing*, выражающих объектные отношения. В древнеанглийском языке в таких словосочетаниях употреблялись только формы родительного падежа местоимений (личных, указательных, неопределенных). Разрушение родительного падежа в системе местоимений, проходившее параллельно разрушению родительного падежа в системе существительных (с которыми местоимение соотносилось), и переосмысление форм родительного падежа личных местоимений как притяжательных форм² привели к тому, что в словосочетаниях, выражающих объектные отношения, стали употребляться только формы так называемого объектного падежа личных местоимений и неизменяемые, беспадежные формы указательных и некоторых неопределенных местоимений: «*In him preising he made sarmoun*» (С. М. 13245, MS. Tr.) «Он прочел проповедь, восхваляя его (во хвалу его)»; «*all hal-ding wit trecheri...*» (С. М. 27844) «обладание всем при помощи вероломства...» и т. д.

В подобных словосочетаниях, как и в рассмотренных выше, происходит вербализация отглагольного существительного на *-ing*, т. е. превращение его в герундий. В приведенных примерах из памятников XIV—XV вв. форма на *-ing*, сочетающаяся с прямым дополнением, представляет собой уже не что иное, как герундий.

Положение дополнения перед герундием было столь же обычным в среднеанглийский период, как и положение его после герундия, поскольку в языке среднеанглийского периода дополнение могло стоять и перед глаголом и после него. В дальнейшем же, в связи с фиксацией порядка слов в английском языке, когда дополнение занимает определенное место в предложении — после глагола, дополнение к герундию ставится только в постпозиции.

Разрушение родительного падежа и употребление существительных в формах, лишенных падежных окончаний (нейтральных к падежу), в среднеанглийский период имели еще другое последствие. В древнеанглийском языке наряду с сочетанием родительного объекта с отглагольным существительным на *-ing*, *-ung* те же отношения передавались компонентами сложного существительного типа: *cyrichalgun* «освящение церк-

¹ См. ВЯ, 1957, № 2, стр. 22.

² См. там же, стр. 28.

ви», *daegweorþung* «ознаменование дня». Различие между сложными существительными рассматриваемого типа и словосочетаниями с родительным объекта перед отглагольным существительным, выражавшими одни и те же объектные отношения, поддерживалось в древнеанглийском языке благодаря наличию падежной флексии в первом компоненте словосочетания. С отпадением же падежных окончаний в среднеанглийский период исчезло это формальное различие между рассматриваемыми сложными словами и словосочетаниями; первый компонент сложного слова ничем уже не отличался от первого компонента словосочетания «форма существительного без падежного окончания (нейтральная к падежу) + форма на *-ing*». Результатом этого явилось распадение многих сложных слов указанного типа, первый компонент которых обособился от второго и стал восприниматься как самостоятельное существительное, обозначающее объект действия, выраженного формой на *-ing*. Обособление первого компонента от второго в таких сложных словах и переосмысление их как самостоятельных слов получило свое непосредственное отражение в раздельном их написании в среднеанглийский период. Например: «*Bot to þe first es forto tell of þe kyrk halowyng how it befell*» (N. Leg. 143, 29) «Но сначала нужно рассказать об освящении церкви, как оно происходило».

Таким образом, в среднеанглийской конструкции «существительное в исходной форме + форма на *-ing*», выражающей объектные отношения, слились две конструкции, имеющие разное происхождение: 1) конструкция, пришедшая на смену древнеанглийскому словосочетанию с родительным падежом при отглагольном существительном на *-ing*, *-ung* вследствие отпадения падежных окончаний, и 2) конструкция, появившаяся в языке вследствие расщепления сложных существительных указанного выше типа, что было обусловлено существованием в языке сочетаний «форма существительного без падежного окончания (нейтральная к падежу) + форма на *-ing*».

Из сказанного следует, что древнеанглийские сложные слова типа *cyrichalung* не могут рассматриваться как непосредственный и основной источник появления в среднеанглийском конструкций «исходная форма существительного + форма на *-ing* (герундий)», выражающих объектные отношения, поскольку само расщепление таких сложных слов явилось результатом развития в языке сочетаний «форма без падежного окончания (нейтральная к падежу) + форма на *-ing*»¹.

В заключение необходимо остановиться еще на одном моменте, связанном с развитием герундия в английском языке в среднеанглийский период. Во второй половине среднеанглийского периода, точнее в XIV в., происходит изменение формы причастия I (в северном диалекте этот процесс продолжается до начала новоанглийского периода). В древнеанглийском причастие I имело суффикс *-ende*. В XIV же веке суффикс *-end(e)* [*-ind(e)*, *-and(e)*] начинает вытесняться суффиксом *-ing(e)*, при этом на протяжении XIV в. формы причастия I на *-end(e)* употребляются в памятниках наряду с формами причастия I на *-ing(e)*.

Появление суффикса *-ing(e)* у причастия I связано с развитием герундия в среднеанглийский период. По мере распространения герундиальных оборотов в языке XIV в. происходит процесс смещения герундия и причастия I и последнее все чаще принимает суффикс *-ing(e)*, пока он

¹ Здесь необходимо еще учитывать и различие в выразительных возможностях словосочетания и словосложения в древнеанглийском языке: в отличие от первого компонента (основы) сложного слова существительное в родительном падеже в составе словосочетания могло иметь не только обобщенное, но и конкретное, индивидуализированное значение (см. ВЯ, 1957, № 2, стр. 22—23).

к концу XIV в. (на севере позже) не становится единственным суффиксом причастия I.

Смешение причастия I и герундия стало возможным благодаря тому, что эти неличные формы употребляются в сходных конструкциях: субъект действия причастия I и герундия может быть выражен существительным в исходной форме или форме множественного числа или личным местоимением в объектном падеже, обе неличные формы могут сочетаться с прямым дополнением. Ср., например: «the whiche sawe him fighting and destroeng and sleynge his enmyes» (Bl. and Egl. 166, 1) «...которые видели, как он сражается, и разрушает, и убивает своих врагов», «I merveile thee askyn this demande» «Я удивлен тем, что ты предъявляешь это требование».

С развитием герундия в XIV—XV вв. появляются случаи замены инфинитива герундием и, наоборот, — герундия инфинитивом. Например «All the foure brethern... yssued oute of the castell atte the fawcebraye wythout to make ohy noyse» (Aymon, 78, 24) «Все четыре брата... вышли из замка через тайный проход, не произведя никакого шума»; «God genius is to menyunge a spirit þat foloweþ a man» (Trev. III, 297) «Добрый гений значит дух, который следует за человеком» (ср. «Hit is to mene þat þeу beсþ ware» (там же, II, 171) «Это значит, что они осторожны».

Подобные случаи замены инфинитива герундием и герундия инфинитивом стали возможными благодаря близости свойств герундия и инфинитива, благодаря тому, что они употребляются в аналогичных конструкциях (субъект действия герундия и инфинитива может быть выражен существительным в исходной форме или форме множественного числа, или местоимением в объектном падеже, оба они сочетаются с прямым дополнением).

Смешение герундия с причастием I, а также взаимозаменяемость герундия и инфинитива могли благоприятствовать развитию глагольных свойств герундия. Однако ни причастие I, ни инфинитив не могли быть источниками появления герундия в английском языке. Для того чтобы стали возможными случаи смешения и взаимозаменяемости форм на *-ing(e)*, с одной стороны, и причастия I и инфинитива, с другой стороны, необходимо было, чтобы в языке уже существовала форма, которая могла смешиваться с причастием I и заменяться инфинитивом вследствие близости ее свойств и свойств указанных неличных форм. Такой формой была форма на *-ing(e)* — герундий, развившийся из отглагольного существительного на *-ing(e)*, когда последнее получило возможность сочетаться с прямым дополнением и следовать за формой без падежного окончания (нейтральной к падежу), обозначающей субъект действия, выраженного формой на *-ing(e)*. Эту же возможность отглагольное существительное на *-ing(e)* приобрело благодаря разрушению родительного падежа и употреблению нейтральных к падежу форм существительных вместо форм родительного падежа.